

Сегодня умер Майкл Джексон, а у меня дняха. Как-то мне не по себе от этого. Не то что он мог бы и подождать, нет. Майкл ушел, значит, детство кончилось и пора взрослеть. В самом деле. Мне казалось, что он будет всегда, как Том и Джерри или Степашка со своими «спокойными ночами» и женским голосом.

— Хватить ныть, — маман всучила мне сумку с продуктами из супермаркета. — Шестнадцать лет, а всё туда же. Господи, кого я вырастила!

— Мужчину?

— Пока нет, но надеюсь, Саш, ты им станешь. Хватит с меня и одного размазни.

Размазня — это она так о моем отце, который бросил нас, когда мне было три года. Ему хотелось стать музыкантом, он сказал нам «гуд-бай» и уехал вертеться-крутиться. Как нам потом рассказывали, он пел в какой-то группе, но известным, видимо, так и не стал. По крайней мере, на «Грэмми» мы его не видели. С тех пор каждого мужика-лузера мама называет «музыкант».

В общем-то, у меня все признаки сына, росшего без отца.

Я считаю самыми красивыми женщинами маму и Одри Хепберн.

Люблю есть только то, что готовит мама.

У меня больше друзей-девушек, чем мужчин.

Я периодически плачу.

Я делаю коррекцию бровей.

Я трачу много не своих денег на шмотки. У меня серебряные серьги в ушах.

Я могу не отвечать на звонки, но на мамин сигнал трубку беру всегда.

У меня в коллекции фильмов есть «Амели».

Я знаю, какие прически и одежда годные в этом сезоне.

Я не могу крепко сжать руку или ударить.

Сейчас много кто без отцов растет. Я, например, мало кого знаю с отцом и матерью. Женщины захотели быть сильными, а мужчины увидели, что они на это способны, и, как говорит мама, сели им на шею. Меня вырастили женщины: сплошные тети, бабушки и мамины подруги. Знаете таких мальчиков, к которым все девочки тянутся и просят сходить с ними по магазинам? Вот я как раз из таких. Нет, у меня, конечно, есть друзья-мужчины. Вот Макс, например, у него даже отец есть. Макс — это такой раздолбай. Хотя и взрослый, но раздолбай со взъерошенными волосами и татуировкой в виде льва на плече. Он говорит медленно и уверенно. Хотя иногда глотает окончания, но это его не портит. И даже не мешает ему работать на радио.

У Макса детство кончилось давно. Ему хорошо. Звонит он мне накануне моей днюхи.

— Ну как, — спрашивает, — началась уже у тебя пред-днюрожденческая депрессия?

— А то. Слышал про Майкла? А у меня днюха.

— Да, мэн, не вовремя он.

— Мне снилось, что он не умер. Проснулся с полным осознанием того, что, когда к нему в тот огромный концертный зал придут прощаться, он встанет, будет петь и танцевать, а потом начнется его турне.

— Гонишь! Еще Джон Леннон умер и Курт Кобейн, ты в курсе?

Но Майкл потом так и не встал. Думаю, там вообще был пустой гроб, хоть и золотой. Наверняка живет в каком-нибудь захолустье и посматривает, как события развиваются. Но я его понимаю. Он это заслужил. Тяжело быть известным. Ты просто превращаешься в рупор. А в рупор редко говорят правду. Чаще всего то, что хотят услышать.

А сегодня мама хотела отметить мою днюху, только я не хотел. Даже сказал ей, чтобы ничего мне не дарила. Правда, она всё равно принесла сумку для ноута. Не люблю отмечать днюхи, и вообще я социофоб социопата. Всё равно никто бы не пришел, разве что Макс. Такой день, да и Майкл еще. Видеть никого не хочется. Я с утра сидел и играл в свою железную дорогу. Она у меня большая, почти всю комнату занимает. Там есть станции, жители и даже деревья. Недавно посадил. А мама торт принесла, и что-то так жалко ее стало. Мама этого не заслужила — она красавица, хоть и риторически замученная. Знаете, бывают такие женщины, которые с виду скромные, а на самом деле — похлеще боксера какого-нибудь. Моя мама как раз такая. Пришлось стать боксером, когда размазня нас бросил. Маму зовут София.

Она родила меня в 18, поэтому мы иногда неплохо вместе смотримся. Сейчас ей 34, работает редактором. Исправляет чужие ошибки и придумывает всякую интересную фигню. Иногда я крашу ей волосы в светлый цвет, и тогда она вспоминает, что хотела девочку.

У нее много любимых фраз.

1. У всех дети как дети, а у меня (продолжение меняет-ся в зависимости от настроения).

2. Видел бы тебя дед — копия! (Это значит, что на маму напала ностальгия и сейчас она начнет вспоминать

дедушку, который на железной дороге работал и от которого у меня, собственно, и пошло увлечение игрушечными поездами.)

3. Держите меня семеро! (Первый раз так мама сказала, когда увидела меня с девочкой. Это знак ее удивления.)

4. Умница — на жопе пуговица (это фраза нашей бабушки, и, когда я что-нибудь отчебучиваю, мама всегда ее вспоминает).

Я, как и раньше, живу на планете Земля. Не в каком-то богатом доме, а в самом обычном доме Петербурга. Но я не жалуюсь. У меня есть вода, еда и всё такое. Чтобы не чувствовать себя ущербным. И достаточно, чтобы забывать о тех, кому нечего есть. За это я себя ненавижу. Но стараюсь воду зря не включать. И еду не выбрасывать. Вот только свет я выключаю не всегда. Но в детстве иногда было так страшно, что я включал свет во всех комнатах и ждал, пока придет мама.

Мне все говорят, что я красивый. В принципе, согласен. Рост что надо, и волосы такие, длинные немного, темные. Я их не укладываю, они сами знают свое место. Когда я удивляюсь, поднимаю левую бровь. Иногда я выбриваю на ней пробел, и это делает меня немного дерзким. А вообще вид у меня пасмурный. Даже когда мне хорошо. Но мимика обалденная. Я очаровываю. Но я немного пещерный. Есть такие ребята, которые в школах в самодеятельности участвуют, в университетах — в КВНах и прочей ерунде. Я никогда таким не был. Это всё не мое.

Всю днюху я просидел в своей комнате, немного поработал и потом распечатал табличку «Neverland» — «Неверленд» — и повесил ее с обратной стороны двери.

— Это еще что? — возмутилась маман, когда вернулась с работы. — Мало того, что всю комнату паровозами

завалил, так еще и это! Ты повзрослеешь когда-нибудь или нет? Говорили мне, ему отец нужен!

Это маман о своей подруге тете Наташе, или Нателл, как она себя называет. У нее какая-то психологическая консультация, поэтому она думает, что может промывать маме мозги насчет мужиков. Еще она ходит с большой белой сумкой, на которой черным по белому написано «I love Paris». Естественно, вместо «love» там красное сердце. Как говорит моя подруга Даша, таких людей надо обходить под прямым углом. Хотя она стройная, у нее совершенно по-беременному выпирает странный живот. Чем больше у нее клиентов-истеричек, тем больше я думаю, что там уже не двойня, а тройня. Но девять месяцев прошло, а она всё не рожает. Вообще, не очень люблю тетю Наташу, но иногда наблюдать за ней интересно. Она похожа на баржу, заправленную слишком тяжело, но еще автоматически держащуюся на плаву. Я никогда не понимал, как эта баржа держится на воде. И я никогда не пойму, как шпильки держат Нателл.

И вот эта самая Нателл-зануделл внушила маман, что мне нужен мужской пример. Нет, я, конечно, не спору, нужен, но не до такой же степени. С тех пор мама начала вести себя как на распродаже. Хваталась то за одного, то за другого мужика и знакомила меня с ними, то и дело спрашивая, как они мне. Сумасшедшая Нателл внедрила и другую традицию — рыбалка с дядей Ромой, маминым братом. Несколько раз в месяц он брал меня с собой ловить рыбу, усиленно демонстрируя мужские качества характера. Хоть я и не вдавался в подробности, но, по-моему, ему самому нужен был какой-нибудь дядя Вася. Я удивляюсь, как он мог быть военным. Кроме рыбалки его интересовали только цветы и то, насколько выглажена его рабочая рубашка. Еще он помогал жене вышивать.

Вообще, твердо стоят на земле те люди, для которых есть с утра помидоры или колбасу с газировкой — привычное дело. Дядя Рома так умеет. Наверное, ему нравилось со мной возиться, потому что у них с женой две дочери, а ему хотелось сына, хоть он этого и не показывал. Так что у нас с ним почти рыночные отношения.

Поскольку маман так и не нашла мне отцезаменителя, она постоянно нервничала и раздражалась каждый раз, когда я проявлял, как она выражалась, «женские штучки». Тогда она называла меня размазней или рохлей, вспоминала сбежавшего отца, наливала мартини и валилась в кресло. Мама может пить мартини стоя, сидя и лежа. Иногда она пьет мартини прямо из горла, когда расчувствуется. Тогда она выглядит совсем молодо, особенно если напялит эту свою вытянутую футболку с The Killers. Взяла у меня эту майку, когда свои были в стирке, и прикарманила. По-моему, она даже не знает, кто такие The Killers, но майка ей нравится. Может, она так себя мужественнее чувствует?

И не только маман такая. Мне кажется, люди вообще слишком большое значение придают чувствам. В детстве они начитаются про принцев и дюймовочек — и пошло-поехало. И собирают это всю жизнь, как снежный ком. Он растет, а они его холят и лелеют. Вот здесь мы гуляли, здесь пили чай и играли в тили-бом, а это наша любимая лужа. Ведь в книгах и газетах пишут про то, что должна быть вторая половинка и что только вдвоем можно быть счастливыми. Некоторые хватаются за чувство, как за последнюю соломинку, а соломинка на то и соломинка, что недолговечная и слабая. Да, мир просто повернут на чувствах.

И вот я живу, а отца всё нет. И чего толку мне барагозить, делать татуировку или сбегать из дома, когда

толком никто ремня не даст. Разве что мама будет колготками махать, после того как мартини выпьет. Вот жалкая картина — рыдающий сын, развлекающийся в комнате с железной дорогой, и мать-истеричка, отчаянно ищущая мужа. Я говорил ей, что не надо специально искать — так мы точно никого путного не найдем, но она не унимается. Все эта дурацкая Нателл.

А вот мамин бзик насчет моего будущего — это уже ее собственная фантазия.

— Какое рисование, Саш? Все эти твои рисунки — это писульки какие-то! Ты что, с ума сошел? На какого художника? Куда? И кем ты потом будешь? Плакаты рисовать в доме культуры? Посмотри на своего этого отца! Музыканта! Никакой художки! Никакой! Сил моих нет! — эту тираду я даже не пытался прервать.

Я продолжал рисовать, и у меня это хорошо получалось. Так думал не только я. Отец Даши — художник в журнале, и она ему как-то показала мои каракули. Он сказал, что вот уровень наберу и он, может, меня даже на работу возьмет в журнал. А пока я думаю, куда поступать учиться дальше, и продолжаю строить игрушечную дорогу у себя в комнате. У меня уже несколько ярусов, фонари ночью горят, и жители уже могут передвигаться по городу. В свой журнал меня мама брать не хочет. Во-первых, рисульки — занятие не мужское. А во-вторых, она даже мысли не допускает, что может по блату что-то сделать для своего сына. В журнале бы сразу зашептались, что вот, она своего сына проталкивает. Все так делают, но только не моя мама.

В общем-то, лето как лето — все ринулись в Турцию и Таиланд, но не нравится мне, что Майкл умер. Не может он умереть, не может детство вот так вот кончиться. Что-то здесь не то.

Когда к нам приходит Нателл, она вечно бросается какими-то психологическими заметками и новостями. А иногда вещает что-нибудь о своих безумных пациентах. У нее специализация — на любви, как она говорит, поэтому она считает себя знатоком этих дел. Иногда развернет журнальце и давай зачитывать. Вот и в этот раз пришла вечером, подарила мне кьёркегоровского «Обольстителя» на днюху и распласталась на нашем белом диване.

— Ученые сделали открытие: для того чтобы доставить человеку удовольствие, нужно поглаживать его со скоростью 4–5 сантиметров в секунду, представляете? — допивая martini, удивилась она.

— Ох, меня бы кто погладил, — вздохнула маман.

— Дорогая моя, вот вернется Алекс из командировки, я тебя с ним познакомлю, — загадочно прочмокала Нателл, выплевывая косточку от вишни.

Люблю наблюдать за женщинами. Вообще, мне кажется, у них не дружба как таковая, а соревнования. У кого кожа лучше, у кого задница арбузнее, у кого грудь больше и всё такое. Одного только не пойму. Мама сама говорит, что Нателл ее порой достает, — так зачем она ей? Всё время сводит с какими-то мужиками. А мама не уродина, сама могла бы кого-нибудь найти. Я уже задолбался ходить на эти тест-драйвы мужиков по наводкам Нателл.

Схема выглядит так.

Шаг первый. Нателл находит кого-нибудь для мамы, или мама сама находит и рассказывает о нем Нателл.

Шаг второй. Они обсуждают друг с другом возможные варианты поведения. Особенно смешно, когда они придумывают всякие уловки. Их послушать, так мужики такие дураки, что на это всё ведутся.

Шаг третий. Мама идет в ресторан или в театр с новой жертвой и старается понять, нравится ей этот тип или нет.

Шаг четвертый. Если мужик ей нравится, она как бы ненароком устраивает так, что в ближайшее время на этой встрече с ним оказываюсь я. Ей важно, чтобы мне новый отец понравился. Если кандидат ей не угодил, она придумывает какую-нибудь отмазку. Увы, пока мне никто не приглянулся. Но я говорю маман, чтобы она не обращала на меня внимания. Это ведь ее жизнь, и пусть делает что хочет. Но она же редактор, поэтому ей нужно, чтобы каждый рабочий материал был утвержден. Только тут я должен утверждать кандидатов. Я редактор мужчин, забавно.

Наконец-то Нателл ушла, и я смог занять свое законное место на белом диване. Маман пришла из кухни с большим бутербродом, и я строго на нее посмотрел. Единственное, в чем я был солидарен с Нателл, так это в том, что наедаться ей по ночам точно не стоит, а то расползется. А тут Нателл ушла, и она расслабилась. Пришлось мне поглощать ее эти вредные калории. Доедаю за ней, а чего не сделаешь ради матери?

Когда я вышел из душа, маман была сама не своя.

— Знаешь, кто звонил? — она нервно накладывала лед в мартини.

— Кто?!

— Ни за что не догадаешься — твой папочка! Вспомнил, что у него есть сын! Нет, вы только посмотрите!

Мартини капнуло на белый диван.

— Объявился через столько лет и глазом не моргнул! Как будто так и надо! Размазня! Как был, так и остался размазней!

— А чего ему надо-то?!

— А ты как думаешь?! Хочет сыграть роль хорошего папочки, который наконец-то осознал свою вину. Смотри — еще приползет со словами «Что я могу сделать для своего сына?».

— И что ты ему сказала?

— Послала его куда подальше — пусть катится на все стороны. Держите меня семеро! Хочет организовать тебе какую-то учебу и забрать в Москву.

— Нормально! Я даже не знаю, хотел ли бы его видеть, а он уже такие предьявы кидает.

— Растишь ребенка одна, а потом объявляется такой вот мистер папочка и играет роль героя, вытаскивающего ребенка из дыры. Опомнися! Может, ему еще красную дорожку постелить?

— И что ты будешь делать?

— А что я должна делать?

— Не знаю. Поговорить с ним. Вдруг он и правда осознал?

— Ага, началось. Теперь и ты с ним заодно?!

— Мам, ты же знаешь, я всегда за тебя был в вашей истории. Я видел, как тебе трудно было, ты же знаешь. Просто мало ли что у него могло случиться. Ну, не знаю...

— Что у него могло случиться? Только приступ старческого маразма. Наверняка бросила очередная телка и ему захотелось, чтобы его кто-то пожалел. Неудачник.

Маман пила мартини, а мне вспомнилось, как она работала в школе и еще официанткой по ночам, чтобы нас прокормить. Конечно, она права. Отец глупо поступил,

когда вот так вот исчез и даже не помогал нам. Я, кстати, даже не знаю, как он выглядит. Мне иногда хочется посмотреть, похож ли я на него хотя бы немножко. Да и отца мне хотелось бы. Только не такого на самом деле. Сначала он присылал мне подарки на Новый год, а потом и вовсе пропал. Я сохранил его книжку про самолеты, валяется где-то в шкафу, а больше у меня от него ничего нет. Кроме его клеток каких-нибудь или генов, я в биологии не разбираюсь.

Мама была так расстроена, что даже не обратила внимания на то, как я налил мартини и стал пить вместе с ней.

Не понимаю, как такие разные мужчины и женщины могут быть вместе. Как вообще женщины и мужчины могут сочетаться. Часто такое наблюдаю, что когда влюбленные обнимаются, то женщина смотрит в объятия или на мужчину, а мужчина — куда-то вдаль. В этом, видимо, и есть наше главное различие, разве нет?

Вообще, я боюсь, что вот эта история моих родителей испортит мне жизнь. Я уже какой-то не такой, а что дальше будет? Допустим, у меня серьезные отношения, всё вроде нормально, но вот появляются какие-то проблемы с жильем там или работой. Я боюсь, что просто возьму и уйду, как мой отец, вместо того чтобы решать все эти проблемы. Маман, конечно, пытается мне заменить отца, но всё это не то.

— Саша, ты ведь меня не оставишь? — заплакала мама.

— Мам, ну ты что? Ты же знаешь, я с тобой, разве нет?

Я уже понял, как надо вести себя во время женских истерик. Главное — обнять покрепче и гладить со скоростью 4–5 сантиметров в секунду. Ученые подтвердили.

И всё-таки интересно, что отец хотел мне предложить такого. Я бы, конечно, не согласился, но знать-то

любопытно. Может, у него там всё заладилось и он разбогател? А вдруг он хочет вернуть маму? Вряд ли, конечно, да и она не согласится. Забавно, если бы так было. Вдруг откуда ни возьмись в шестнадцать лет у тебя появляется полная семья, и все живут счастливо.

— Ладно, Саш, иди ложись. Завтра у тебя рыбалка с дядей Ромой, выспаться надо.

Традиция под названием «рыбалка с дядей Ромой» мне уже порядком надоела. Всё началось, когда мне было двенадцать. Но теперь-то уже шестнадцать, а я всё никак не уговорю маман, что пора бы с этим заканчивать. Она и так старается изо всех сил. Да и дядю Рому жалко. Он хотя бы попробует себя в роли отца взрослого сына. На самом деле можно даже какую-то пользу извлечь. Хоть чем-то мужским займусь. Не все же рисунки лепать и паровозики по комнате катать.

С утра появился дядя Рома. Всегда предусматривающий всё до мелочей винни-пух с возрастным жирком на пузе. Наверное, тетя Таня его хорошо кормит, а по вечерам они гуляют с собакой, но от пуза его это все равно не спасает. Маман, как всегда, напоила Рому чаем, пока я собирал свои шмотки. Главное в рыбацком арсенале — большой дедушкин фонарь, который он мне подарил.

— Видел бы тебя дед, — мама улыбнулась, когда я вышел в своих рыбацких штанах и с удочкой.

— Ну, готов, боец? — подначивал винни-пух.

Рыбачили мы на заливе, и мне нравилось, что здесь никого не бывает. Мы обычно на выходные приезжаем, ставим палатку и ночуем. Ну, костер само собой. Хорошо, что дядя Рома не бард, а то бы завопил про какую-нибудь любимую мою зайку. До дяди Ромы я даже не знал, как костер разжигать. Единственное, что мне не нравилось, так это убивать рыбу. Поэтому я отпускал ее на волю. А это

уже не нравилось дяде Роме, и он всё время говорил про меня «гринписовец нашелся». Он же свою рыбу складывал в ведро и гордился ею, как ребенок, собравший больше всех ракушек.

Нет, вру. Есть вторая вещь, которая меня раздражала.

Дядя Рома такой дотошный, что меня иногда выворачивает. Даже дрова должны ровно лежать, и плевать, что мы в лесу. Когда я что-то делал не так, он говорил «отставить» и начинал рассказывать про армейскую дисциплину.

— В армию бы сходил, там бы тебя научили уму-разуму. Я отслужил и не жалею. А сегодня вон — не мужики, а полубабы какие-то, год — и то боятся отслужить. Хлюпки! Ну ничего! Я тебя научу делу-то, научу! Жизнь-то она вот — в маленьких таких делах! Когда-нибудь ты это поймешь!

И как только тетя Таня его выносит? А дочери?

Естественно, даже пиво на нашей рыбалке пить не разрешалось, не говоря уже о сигаретах. Хотя хотелось достать свои слимы и закурить. Всё равно мне нравится дядя Рома. С ним как-то спокойно. Может, это и есть идеальная семья. Вот такая, как у него, не то что у нас с маман. Она всё время приводит его семью в пример и чуть что просит Рому поговорить со мной. Маму всегда особенно заботило, как я проведу Новый год. Ей хотелось, чтобы я был таким же счастливым в этот праздник, как и другие дети. Хотя кто сказал, что дети счастливы на Новый год? Обычные взрослые выдумки. Чтобы сделать меня счастливым, дядя Рома по просьбе мамы каждый Новый год покупал две елки: одну своей образцовой семье и одну — нашей, недоумочной. Наверное, каждая елка хотела попасть в образцовую семью, но каждый год одна из них должна была побывать у нас.

Мне всегда было очень страшно смотреть, как после Нового года все выкидывают елки во двор. Потом приезжают грузовики и куда-то их увозят. Может, где-то есть кладбище елок и они все там лежат? Даже не знаю, я бы не хотел это видеть. Должны же люди как-то думать, что они делают. Я бы просто не смог вот так вот выйти и выкинуть елку. Сейчас уже мы не ставим елку, и у нас есть искусственная. Когда я был еще вообще маленький, я каждый раз требовал с дяди Ромы елку, и он покупал ее, хотя и говорил, что ему жалко дерево. Но я топал ногами, и он соглашался.

И вот, когда наставала пора убирать елку, я долго не отпускал ее. Хотел, чтобы она еще постояла, но мама говорила, что скоро елка начнет осыпаться, а мусора у нас быть не должно. Вот была елка, а вот уже мусор. Тогда мы с дядей Ромой ходили в лес рядом с домом и ставили нашу елку в снег рядом с живыми елками. Как будто она продолжала так расти. Когда я немного повзрослел, дядя Рома стал сам выкидывать елку. Каждый раз, когда он возвращался, я выпытывал у него: ты точно отнес елку в лес? Ты ее не выкинул? Ты поставил ее рядом с другими елками? Он кивал, а я теперь понимаю, что вряд ли он ее ставил. Выбрасывал где-нибудь за домом, наверное. В общем, я тот еще псих.

Я рассказал дяде Роме про звонок отца.

— И что ты думаешь? — осторожно спросил он, переворачивая рыбу на гриле.

— Не знаю. С одной стороны, я понимаю, как он с мамой поступил, с другой — охота посмотреть, какой он. Я ведь его совсем не помню. А фотки только старые есть. А ты ведь его помнишь, дядя Ром?

— Помню, конечно, — закурил он какие-то крепкие сигареты. — Увивался за твоей матерью, как принц. Приехал

как-то на мотоцикле к нашему дому и повез ее катать. Без шлема. Вот дурак. Отец наш тогда взбучку ему хорошую дал, так он не сдался. Мать в истерике. Сказала, что из дома Соньку не выпустит, но та тайком бегала, любовь такая была. Вообще, сначала он мне нравился, крутой такой, знаешь. С мотоциклом. Потом как-то вроде в доверие вошел. Даже в дом стал приходить, хотя родители к нему не смогли привыкнуть, но пришлось терпеть, Сонька без него не могла. Сбежала один раз, вот они и испугались. Свадьба когда была у них, красиво так ехали на мотоцикле: Сонька в белом платье и батя твой в джинсе. Ну а потом-то что дернуло его — не знаю. Соньку бросил, тебя бросил и свалил. Мать твоя на развод подала, суды все эти начались. С алиментами копейными — и то проблемы постоянно. Я батю твоего — молодого еще — как-то встретил случайно, сказал ему тогда всё, что о нем думаю. А ему даже ответить нечего было. Понял, наверное, что дурак дураком. А в итоге? Ни кола, ни двора, ни семьи. Вот будет у тебя семья своя, поймешь.

— Да такими путями не будет у меня ни фи́га, дядя Ром, — копошился я палкой в костре и думал об отце. И еще о том, что никогда бы не бросил свою семью, а хотя бы денег им присылал.

— Хочешь с ним поговорить? — с подозрением буркнул в мою сторону винни-пух.

— Хотел бы, но мама не даст. У нее знаешь какая истерика была!

— А чего с ним говорить? Что он скажет?

— Да нет, понять просто, может. Не знаю. Мне иногда хочется, а потом резко не хочется, когда я вспоминаю, как мама приходила по ночам, выкладывала объедки из ресторана и мы устраивали пир.

Мне хотелось курить, но дядя Рома этого бы явно не одобрил, поэтому я продолжал вдыхать дым от мужского нашего костра.

— Ну а чего он скажет? Сейчас переманивать тебя будет на свою сторону. А ты смотри, мать-то одну не оставляй. Она тебя вырастила.

— Да знаю я, дядя Ром.

В общем, лето уже пошло наперекосяк. Я хотел закончить свой цикл картин о двенадцати разных людях. Еще я нарисовал одну девушку, Дашину подругу. Макса нарисовал, хотел еще маму, но дело застопорилось. Вместо этого я нарисовал Майкла Джексона и повесил картину на дверь. А то там, говорят, аукцион с его портретом Уорхола не заладился, зато у меня есть свой портрет.

Я Майкла никогда не слушал особо. Он был где-то далеко и был всегда. Надежно так маячил. И когда все эти дела начались, я стал изучать его жизнь, посмотрел интервью его все, целую ночь просидел. В общем, история повторяется из тысячелетия в тысячелетие. Противно, как люди могут клеветать на других. Теперь будут по кубикам разбирать поместье его «Неверленд». Интересно, а Майкл рыбачил?